

Прекрасная Дама как София в поэзии А. Блока

Халтурин Ю.Л.

В свое время Владимир Соловьев поставил перед собой задачу синтеза теологии, философии и науки в свободной теософии; мистики, изящных и технических искусств в свободной теургии; церкви, государства и земства в свободной теократии. Как видно подобный всеобщий синтез в духе всеединства и цельного знания осуществляется иерархично, по вертикали. Мы можем спросить: возможен ли аналогичный синтез по горизонтали – как синтез науки, религии (теологии и мистики), философии, искусства (изобразительного и поэтического), мифа?.. Если в основу этого синтеза положить миф, мы можем получить аналог гностической системы, если философию – панлогизм в духе гегельянства, еси науку – эзотерическую теософию в духе Штайнера и его последователей, если теологию – какой-нибудь эклектический экуменизм, а если искусство – эстетическую утопию в духе любого модернистского направления в искусстве или романтизма. Отсюда возникает и следующий вопрос: возможен ли подобный синтез исходя не из частного принципа, но из некоего общего основания и корня, который бы сделал этот синтез не эклектичным и утопичным, но органичным? Думается, что ответ на этот вопрос уже дан русской софиологией. Именно София как символическое единство понятия, образа, архетипа и ипостасной личности и является тем корнем, который, будучи дан в умозрении, делает возможным синтез. О фигуре Софии написано уже достаточно много. София как понятие особенно тщательно проработана у В.С. Соловьева (философский аспект), как ипостась – у С.Н. Булгакова (теологический аспект), как символ и архетип – у П.А. Флоренского (мистический и художественный аспект в анализе иконописи и литургики). Причем каждый из этих авторов так или иначе исходил из умозрения как личного мистического опыта, и обращался к анализу самых различных аспектов Софии, сосредотачиваясь на одном. Каждый из них опирался не только на личный опыт, но и на глубокую мистическую традицию (девтероканонические книги премудрости, гностицизм, каббала, немецкие мистики, масонство, православная мистика и патристическая традиция, традиции народного почитания, женские мифологические архетипы). О большинстве указанных аспектов писали Н. Бонеецкая, С. Хоружий, С. Аверинцев, Н. Гаврюшин, А. Лосев и др. Однако один аспект, на наш взгляд, освещен недостаточно, а именно: как проявляется София в образах поэтического искусства?. Ответу на этот вопрос и посвящена данная статья, представляющая собой последовательный анализ женского образа в цикле А. Блока «Стихи о прекрасной Даме» как поэтического выражения Софии.

1) Что такое София? По определению П. Флоренского София «...есть Великий Корень цело-купной твари, то есть всецелостная тварь, которым тварь уходит во внутри-Троичную жизнь» [Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Ч. 1. М., 1990. С. 326], подобно тому, как сердцем триединого божества является Любовь, Любовь же является и сердцем твари, природы,

космоса в ихобожженном состоянии. София, таким образом, выступает как связь между богом и миром. По словам С. Булгакова, София является как бы гранью, границей между Творцом и Тварью, соединяющей их и в тоже время разделяющей, сама же она при этом не является ни тем, ни другим, находясь между временем и вечностью, абсолютным и относительным, бытием и сверхбытием, трансцендентным и имманентным, мирским и божественным, земным и небесным [См.: *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М., 1994. С. 185-204].

2) В чем же проявляется этот пограничный характер Софии в образе Прекрасной Дамы? Лирический герой Блока в большинстве стихотворений о Прекрасной даме занимает позицию между двумя мирами, на краю, на границе между этим миром и миром иным - «в одиночестве двуликом», «перед грядущей могилой», перейдя «граничную черту». Именно из этой точки ему дано созерцать его богиню, именно здесь происходит встреча с ней. Каковы пространственные характеристики той встречи? Сама Прекрасная Дама всегда находится как бы в запредельном пространстве: «за дальними горами», в «пустынном доле», «в иной дали и в неземных горах», среди светил, в высоте, особенно часто упоминается гора, так как София именуется горней тварью. Это указывает на трансцендентный, внемирный план существования Софии, о еще вернее-существование на краю мира, на горизонте, где земля сливается с небом. По отношению к лирическому герою Прекрасная дама всегда располагается где-то «там», которое противоположно «здесь», при этом эти места наделяются соответственно позитивными и негативными характеристиками (печаль и радость, зима и весна, сумрак и свет и др.). Но сама встреча происходит на границе - между близким и чужим, близостью и далью, здесь и там, на распутье, сближая и одновременно дистанцируя разные планы бытия. Каковы временные характеристики этой встречи? Она происходит почти всегда утром или вечером («Благословен грядущий день. Ты, в алом сумраке ликуя, ночную миновала тень»), в «передраассветной лени», в «передзакатных мечтах», в «передраассветном волнении», «из сумрака зари». Одно из обращений к Ней - «Закатная, таинственная Дева». Встреча происходит на границе между ночью и днем, между завтра и вчера. В книге «Смысл жизни» Е. Трубецкой связывает явление Софии именно с этими моментами времени [См.: *Трубецкой Е.Н.* Смысл Жизни. М., 1997. С. 163-193]. У Блока эти временные характеристики связаны с особым состоянием души, в котором становится возможно видение Софии - это состояние сна или полусна, состояние погруженности в сновидения («Внемля зову жизни смутной», «Я помню час глухой, бессонной ночи», «Белой ночью месяц красный», «Кто-то шепчет и смеется» и др. стихи), которые делают возможными видения и провидение. Лирический герой находится как бы между видимым и невидимым, явленным и сокровенным, явным и тайным, реальным и нереальным. С этим связаны и особые визуальные эффекты, сопровождающие встречу с Прекрасной Дамой: она зачастую сопровождается туманом, который разделяет героя с его Возлюбленной, при этом оставаясь границей подвижной и прозрачной. У этих встреч есть и своя особая акустика - «звучная тишина», «тихий шум», эхо, «неясный звук невнятного

моления». Эта акустика определяется двойственностью тишины, молчания, безмолвия, немоты, глухоты - и одновременно зова, призыва, «голосов миротворческих». Это состояние между абсолютной пустотой, отсутствием Божьего Гласа в мире этом, в повседневности и обыденности бездуховного состояния - и абсолютной полнотой пространства, наполненного словом Божиим в пророческом видении и слышании. Через Прекрасную Даму мир наш только дает знать о себе, едва заметным намеком, отзвуком, отблеском, обрывком видения. София - это ведь и есть только отблеск, искра, отражение Божества в этом мире, как бы его зеркало или тень. С пространственными, временными, визуальными характеристиками образа Прекрасной Дамы связана и особая символика света и цвета. Свет в стихах о Прекрасной Даме - это свет сумерек, свет теней, свет звезды, о иногда свет белой ночи. То есть главная характеристика света - его неполнота, отраженность, это даже не свет, о грань между светом и тьмой. Звезда вообще в нескольких стихах выступает как атрибут Прекрасной дамы или как ее символ, сливаясь с ее образом, или как эпитет. Но именно звезда является и символом Софии.

В описании П. Флоренским новгородской иконы Софии крестной XVI века София сидит на престоле в центре восьмиконечной звезды, окруженная сферой из голубых колец, испещренных золотыми звездами, а над ней расположена звездная радуга наподобие ленты или покрывала [Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Ч. 1. М., 1990. С. 372]. В интерпретации Е. Трубецкого рассыпанные по небу звезды суть тот самый свет во тьме, о котором говорится в Библии и София, как то, что отделяет день от ночи и свет от тьмы изображается на фоне темно-синего, ночного, звездного неба. София является отрицанием абсолютной тьмы небытия, хаоса, пустоты, но она - не свет абсолютного бытия, космической и божественной полноты, о лишь его отражение. Сумеречный и теневой свет образа Прекрасной Дамы находит выражение в основном цвете этого образа - голубом. Голубой цвет у Блока получает различные оттенки: «синие снега», «Бог лазурный», «лазорево-голубой туман», «лазурное», лазурь, «лазурные сны», «голубой туман». Иногда создается впечатление, что стихи Блока прямо-таки окутаны синим, голубым, лазурным и лазоревым. Согласно же П. Флоренскому [Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Ч. 2. М., 1990. С. 552–577], именно голубой является основным цветом Софии на иконах, причем голубизну он трактует как проекцию света на тьму, как символ горней твари Софии, являющейся границей между светом-богатым бытием и тьмою-ничто. Символика голубого цвета естественно связывается со стихией воздуха, неба, а значит и божества. При этом голубой символизирует не полноту божественного бытия, что скорее свойственно белому цвету как синтезу всех цветов, как чистой полноте божественного света, о его двойственность. Лазурь может символизировать бога в аспекте Бога-Творца (как цвет Вишну, Кнефа, Юпитера, китайского Неба, одеяний христианского боготца), так и в аспекте Бога-сына (Кришна, Амон, Христос). Это цвет абсолютно-трансцендентного и воплощенного, выраженного, земного. Лазурь

может быть символом бессмертия, но также и смерти, печали, траура, мира мертвых. Эта двойственность существенно связана с пограничностью образа Софии и присуща Прекрасной даме, как будет видно дальше. Кроме лазури Прекрасная Дама связана с символом огня, выраженном в красном и золотом: «пламя твое», «алый сумрак», «белой ночью месяц красный», « весь горизонт в огне », «сны золотые», «лазурь золотая», «ты горишь над горою, «свой костер разведешь», «огневая игра», «огневые круги», «зори красные», «красная тайна», «красное пламя». Стихи блока не только погружены в бесконечно-спокойную, безмятежную, ясную голубизну, но и в горящую, пылающую, пламенеющую атмосферу огненной игры страсти. У Флоренского София на иконе имеет лицо и руки огненного цвета и два огненных крыла, то есть этот цвет является сущностным и для Софии. При этом огненный цвет парадоксально связан с голубым, ибо, в интерпретации Флоренского, слово лазурь происходит от санскритского агни, что означает огонь. То же видим и в символе золотой лазури у Флоренского. Огненный-красный-золотой имеет несколько символических смыслов: чистота, девственность (например, символ Неопалимой Купины как одного из эпитетов Софии), духоносность (София может отождествляться с Духом Святым), эсхатологичность (огонь как мировой пожар, в пламене которого происходит очищение и возрождение плотского в духовном), царственность (основной смысл золотого цвета), красота и женственность (красный цвет). Все эти характеристики существенно значимы не только для Софии, но и для блоковской Прекрасной Дамы, как будет показано ниже.

3) Другие характеристики Прекрасной дамы как Софии:

А) двойственность, двуликость: « Но страшно мне: изменишь облик ты и дерзкое возбудишь подозренье, сменив в конце привычные черты », «начало близкое и чужое», эпитеты Дамы как огненной, пылающей и как несущей суровый хлад, как предмета страсти, желания, влечения и как предмета отторжения, отказа, удаления. Эту двойственность и страх перед ней можно связать с двоящимся обликом Софии, имеющей два стороны, две ипостаси - небесную и земную, темную и светлую, Афродиту Уранию и Афродиту Пандемос.

Б) Бессмертие: «полный бессмертия дух», « бессмертье твое», «вечно молодая». При этом одним из основных символов Дамы является круг («огненные круги», « тайный круг », «последние круги», «бесконечные круги»), который несет смысл вечности, бесконечности, бессмертия и является одним из основных элементов композиции софийных икон.

В) Чистота, девственность: «чистые девственницы весны», «Царевна чистоты» Вот цитата из Флоренского, из православных толкований Софии: «Образ Софии, Премудрости Божьей, проявляет Собою Пресвятая Богородицы неизглаголанного девства чистоту», «София церковь Божия сиречь девственная душа неизглаголанного девства чистота» при этом огонь - символ сжигания плоти и страстей и обретения девства и чистоты. По Флоренскому

девственность, чистота и красота есть высшее выражение софийности в ряду тварь-человечество-церковь-святые-приснодева.

Г) Эсхатологичность, которая чувствуется во многих стихах не на уровне отдельных фраз, а на уровне общего настроения ожидания конца, смерти или бессмертия, встречи двух миров, катастрофы. Эсхатологичность является и важным аспектом образа Софии, так как на иконах ее символика сближается с символикой апокалиптической Жены (серп луны, семиглавый змей, апокалипсические тексты и др.)

Д) Эпитеты Прекрасной Дамы, отражающие ее различные ипостаси, аналогичные ипостасям Софии:

а) Ангел: «Прекрасный Ангел», «Белый, белый ангел Бога». По Флоренскому София есть ангел-хранитель, ангел личности, как идеальное воплощение божественного замысла о мире, одним из ключевых иконографических типов Софии является новгородский тип Ангела. б)

Храм: «...ты над могилой - лучезарный храм» и вообще храм и церковь, как образы, сопутствующие Прекрасной Даме, согласно Флоренскому, София отождествляется с жилищем небесным, храминой небесной, домом божьим, святым храмом, небесным Иерусалимом, церковью. в) «Русская Венера», «Красота неизреченная», «Богиня» как эпитеты Прекрасной Дамы непосредственно сливаются с эпитетом Софии «Афродита Урания» (у С.Н. Булгакова) как воплощения на земле небесной, духовной, идеальной красоты, космической красоты. г) «Владычица вселенной», «Царица чистоты», выражающее поклонение и сакрализацию обращение «Ты», что соответствует эпитетам Софии у Флоренского («над всеми царица», Владычица мира). д) «Жена», «ласковая Жена», что соответствует софийному эпитету Невесты Слова Божьего у Флоренского и Софии как Вечной Женственности у Булгакова, а также образу апокалиптической Жены, облаченной в солнце.

Е) «Бог лазурный, чистый, нежный», что, как показывает Флоренский, соответствует литургическому отождествлению Софии с Богом (Богом-Сыном).

В заключении хотелось бы привести мои любимые строки из цикла, очень ясно открывающие образ Софии как сердца, души, центра и корня мира, света, рассеивающего тьму:

Признак истинного чуда
В час полночной темноты –
Мглистый мрак и камней груды,
В них горишь алмазом Ты.
А сама – за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты, лазурью золотою
Просиявшая навек